

Мизантропа Мольер не отдавал никому

Мольер. «Мизантроп». Реж. Ж. Лассаль. «Види-Лозанн»
на сцене театра им. Маяковского.

Жан-Батист Мольер — канонизированное достояние Франции — в своих комедиях (полных автобиографических черт, которые, однако, выходили на уровень больших обобщений) обычно играл незаглавные роли. В «Тартюфе», например, он играл одуряченного Оргона, а в «Мнимом больном», написанном во время своей смертельной болезни, — слугу Сганареля. В «Мизантропе», однако, Мольер не отдал никому заглавную роль и сам сыграл человека, которого активно не устраивает существующий миропорядок. Эта роль для него была особенно важна.

Ольга ФУКС

В четверг и пятницу в Маяковке московская публика имела возможность посмотреть аутентичного, как сейчас принято говорить, Мольера. Свою версию привез известный французский режиссер Жак Лассаль, который прошел путь от основателя маленькой театральной студии на окраине Парижа до руководства «Комеди Франсез» (на этот пост режиссеров назначает французское правительство, и при Лассале в главном театре Франции расцвел невиданный космополитизм — он позвал на постановки негра, араба, поляка и нашего Анатолия Васильева — «мужика», по определению одной актрисы). А затем, став свободным художником, Жак Лассаль пополнил собой список знаменитостей, которых приглашали ставить в швейцарский театр «Види-Лозанн», а это Питер Брук, Роберт Уилсон, Резо Габриадзе, Морис Бежар и другие. С собой в постановку «Мизантропа» он привел Анджее Северина, снимавшегося у Спилберга, Занусси, Вайды и Варнье, — национальную гордость Польши, поляка, ставшего ведущим

актером «Комеди Франсез». Серьезную обстоятельность Жака Лассалья, раньше в России не бывавшего, можно было оценить уже на пресс-конференции, где на вопрос о Мольере мэтр ответил почти часовой лекцией (Северину он уделил почти столько же времени).

Руссо не мог простить Мольеру того, что такого благородного человека, как мизантроп Альцест, он вывел столь нелепым (тем более что тогдашняя публика, приученная к тому, что актер Мольер — это смешно, реагировала на него должным образом). Увидев Анджее Северина в роли Альцеста, Руссо простил бы Мольеру все грехи. Красивый, благородный, страдающий и от любви и от несовершенства мира, подточенный изнутри маниакальной идеей исправлять и исправлять этот мир, Альцест-Северин может вызвать какие угодно эмоции, только не смех. Вообще область смешного здесь максимально ограничена и отдана на откуп двум маркизам с петушиными прическами и голосами и экзальтированной пластикой — для того, чтобы только оттенить все возвышенно-серьезное. Словом, Мольер, пожелавший написать «восемь

Мизантроп (Анджей Северин) отказался от обеих (Эльза Лепуавр и Жюли Пило)

строк о свойствах страсти». В результате такого серьезы получилось несколько потрясающих сцен, по накалу сравнимых с «Опасными связями» Шодерло де Лакло (например, объяснения Альцеста и Селимены (Эльза Лепуавр), полные поэзии и тягостной невозможности до конца понять друг друга). И несколько недоуменных вопросов (например, почему Селимена высмеивает в письмах Альцеста,

которого — мы видим это по действию — она так любит).

А вот для глаз этот спектакль стал и пиром, и отдыхом одновременно (художник Руди Сабунги). Платиновые стены, зазеркалье дверей, двенадцать хрустальных люстр с горящими свечами, мягкие портьеры цвета мокрого асфальта. И на этом фоне — изящные силуэты костюмов, пятна чувственно вишневого, пыльно синего, насыщенно зеленого, нежно

бронзового, которые удивительно сочетаются между собой. Словно тебя с размаху выдернули из корявой, клиповой и эклектичной действительности и забросили, скажем, в галерею Уфицци, где от обилия красоты и гармонии на один квадратный метр начинает кружиться голова. А красота — она ведь и впрямь спасает. Если не мир, то по крайней мере серьезный и, скажем так, неискрометный мольеровский спектакль.